

# ТОВАРЯ ЗАРЯ

Ежедневная политическо-литературная, общественная газета  
КУБАНСКО-ЧЕРНОМОРСКАГО КРАЯ.

(Въ Понедѣльники и послѣпраздничные дни не выходитъ).

Годъ пятый, Екатеринодаръ.

№ 1101. Среда 7 Юля 1910 года.

НА СКЛАДѢ  
ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ И НОТЪ.

**Р. А. Рубанчикъ**

въ Ростонѣ и Д. Николаевскій пер. № 61.

Получены новинки нотъ  
маленькаго формата

и много другихъ изданій  
**С. Я. ЯМБОРЪ**

получается громадный утильонъ  
по дешевой цѣнѣ и архаизмъ.

Требуйте во всѣхъ магазинахъ  
цѣна 10 коп.

Получена большая партія  
ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ

лучшихъ иностранныхъ фирмъ.

ВМѢСТѢ:

Третьяковская галлерея.

Парижскій салонъ  
и много друг.

Требуйте Прейсъ-Куранты и Каталогъ нотъ.

Лѣтній театръ

Товарищеско  
показъ реж.

Д. А. Гайдаманъ

Въ Среда

Я. П. Затыркевичъ и Ю. П.

ко и О.

Представ

**Паньская**

**тазуб**

(За дво

Комедія въ 4 дѣйств.

ЗА НЕМАНЬ

Начало в

Въ пятницу 9 Юля БЕНЕ

## Памяти А. П. Чехова.

„Вишневый садъ“ его не  
срубленъ  
И вѣтви бѣлыя шумятъ,  
Въ красѣ осенней не загубленъ —  
Онъ лѣтъ безсмертный ароматъ“...

О. Чюмина

I.

„Вишневый садъ“ его не срубленъ“... Молчаливый прекрасно-чистый, какъ невѣста, въ матовомъ цвѣтѣ живъ „Вишневый садъ“, и топоръ, разрушающаго времени, еще не коснулся душистой коры его деревьевъ.

Длинная, тонущая въ синеватой дали аллея скромно-чистая, бѣлая, бѣлая, вся залитая дрожащимъ серебромъ луны, грезить прекрасными грезами, думаетъ думами ясными о немъ, своемъ рано угасшемъ пѣвцѣ.

Проходятъ годы, долгіе-долгіе годы. Вотъ уже минуло шесть лѣтъ, какъ ушелъ онъ отъ насъ въ міръ, гдѣ нѣтъ ни тоски ни печали, а между тѣмъ какъ несказанно свѣжъ и весенне молодой его образъ, полный тихой, мечтательной грусти, непонятно-глубокіе глаза и весь онъ, солнечно-ясный, грустно смѣющийся, но не поддающийся гнету тоски, стоитъ передъ глазами и живетъ и дышетъ.

И все, что было съ нимъ, гдѣ жилъ онъ, все какъ будто на время покинуто, только на время

Калитка сада.

Кругомъ—татарскіе дома...

Гдѣ ниже бѣлая ограда—

Видна лазурныхъ водъ кайма.

Мы входимъ. Бѣлый домъ.

Съ веранды полюбьемъ пышнаго плаща—

Повсюду свѣсились гирлянды

Лозъ виноградныхъ и плюща.

Юльскій полдень знойно-

жарокъ

Лишь слышно пѣніе цикадъ.

Какъ онъ разросся—густъ

и ярокъ

Посаженный недавно садъ...

„И память родины далекой—

Здѣсь рядомъ съ елью и

сосной

Вотъ стволъ березки одинокой

Для сердца русскаго родной“...

II.

„Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія. Только моя истерія въ медицинѣ называется „чахоткой“, сказалъ еще въ 1886 г. полутья своему собесѣднику Антонъ Павловичъ.

И такъ всегда, всю свою жизнь. О большемъ, полномъ страданіи и слезъ всегда говорилъ онъ какъ бы шутя, съ улыбкой. И сумеречная русская дѣйствительность 80-хъ гг. и тоска и печаль по далекому небу въ алмазахъ, и вѣра въ то, что черезъ 200—300 лѣтъ будетъ лучше и то, что всѣ мы, уставшіе отъ тяжести жизни, когда-то отдохнемъ — все это проходило черезъ горнило этого тихаго, чеховскаго смѣха, смѣха, когда въ глубинѣ души, въ сокровенныхъ тайникахъ души струились слезы безнадежной тоски и страданій.

„Умеръ поэтъ шесть лѣтъ мы живемъ безъ него; шесть лѣтъ

не читаемъ новаго, чтобы онъ написалъ и шесть лѣтъ русская литература сиротливо живетъ безъ него и бесплодно мучится въ безплодныхъ, пустынныхъ исканіяхъ.

Какъ въ бурливомъ морѣ корабль, безъ руля и кормчаго. Быть можетъ эти исканія и от-

влекли ее отъ него, благодаря чему мы до сихъ поръ не имѣемъ полной біографіи Чехова, хорошо не знаемъ его, и многое, очень многое въ его творчествѣ и въ немъ самомъ намъ не понятно и таинственно.

И. В.